

ПРИЛОЖЕНИЕ

HESIODI

SCUTUM

ГЕСИОД

ЩИТ ГЕРАКЛА

Перевод с древнегреческого, вступительная статья
и комментарии *О. П. Цыбенко*

«Щит Геракла» — небольшая поэма о поединке Геракла с разбойником Кикном, сыном бога Ареса, — занимает несколько двойственное положение в истории античного эпоса. С одной стороны, автором «Щита» считался по традиции Гесиод — создатель дидактической разновидности греческого эпоса, противопоставившего себя героическому гомеровскому эпосу. С другой стороны, «Щит Геракла», состоящий сюжетно из трех частей: 1) героико-генеалогической предыстории (истории любви Зевса и Алкмены), 2) описания оружия (прежде всего щита) Геракла и 3) героического поединка Геракла с Кикном и Аресом, явно тяготеет к эпосу героическому, причем два из трех указанных сюжетных звеньев имеют аналогии в «Илиаде» — описание оружия Ахилла и включающие в себя богоборство деяния Диомеда. Результатом этой двойственности явилось, в частности, сомнение в принадлежности «Щита Геракла» Гесиоду, засвидетельствованное еще «Содержанием 1» (ὑπερθεσις Α')¹ этой поэмы, датированным IV в. н. э.: «Начало „Щита“ содержится в четвертой книге „Перечня“² вплоть до 56 стиха, почему Аристофан³ и заподозрил, что он принадлежит не Гесиоду, но какому-то иному поэту, пытавшемуся подражать гомеровскому „Щиту“⁴. Афинянин Мегаклид⁵

¹ Hesiodi Scutum. Introduzione, testo critico e commento con traduzione e indici a cura di C. F. Russo. Firenze: La Nuova Italia, 1965 (далее — Russo), p. 37, 67. Прочие четыре «Содержания» к «Щиту Геракла» (2—5) содержат мифологический комментарий к истории Алкмены и Амфитриона (2 и 3 — сокращенные варианты, 4 и 5 — более подробные). Из «Содержаний» эпических произведений античности, помимо пяти «Содержаний» «Щита» известны «Содержания» к «Аргонавтике» Аполлония Родосского и к монодии Ликофрона «Александра».

² «Перечень женщин, или Эои» — генеалогический эпос, приписывавшийся Гесиоду.

³ Аристофан Византийский (III в. до н. э.) — знаменитый александрийский филолог.

⁴ Имеется в виду XVIII песнь «Илиады».

⁵ Перипатетик, занимавшийся исследованием эпоса, в частности — гомеровского.

считает поэму подлинной, однако порицает Гесиода, ибо неразумно говорит он о том, что Гефест изготовлял оружие для врагов своей матери. Аполлоний Родосский сообщает, однако, в третьей книге ⁶, что это [поэма] его (Гесиода. — *О. Ц.*), как по причине [поэтических] особенностей, так и потому, что Иолая — возничего Геракла, встречаем и в „Перечне“. И Стесихор говорит, что это поэма Гесиода.

Таким образом, аллюзии на поэму «Перечень женщин, или Эои», проявляющиеся в привязке действия «Щита Геракла» к генеалогическим преданиям — несколько искусственной точке пересечения героической и дидактической разновидностей античного эпоса, и послужили, собственно говоря, основанием приписывать эту поэму Гесиоду, а ее зачин с формулы ἤ οἴη «или же та» недвусмысленно претендует на соблюдение формы генеалогического эпоса Гесиода. Однако, как о том свидетельствует «Содержание 1», это же обстоятельство ставит под сомнение авторство Гесиода.

Ерочем, среди свыше 20 названий поэм Гесиода, сохранных античной традицией, положение «Щита Геракла» является весьма стабильным. Так, древнейший список — *codex Parisinus suppl. graec. 663* (XI или XII вв.) включает «Теогонию» и «Щит»; *Florentinus Laurentianus 32.16* (XIII в.) — «Теогонию», «Труды и дни» и «Щит»; *Ambrosianus* (XIII—XIV вв.) — «Щит» и «Труды и дни»; *Parisinus graec. 2773* (XIV в.) — «Труды и дни» и «Щит»; *Casanatensis 356* (XIV в.) — «Теогонию» и «Щит»; древнейший папирус — Райнеровский (IV в. до н. э.) — «Теогонию», «Труды и дни» и «Щит». По всей вероятности, этот отбор основного гесиодовского корпуса закрепился к концу I в. до н. э. ⁷ Вместе с тем «Щит» является наиболее слабым звеном в вопросе о единстве традиционного гесиодовского корпуса. Большинство филологов XX в. отрицают принадлежность «Щита» Гесиоду. Некоторые считают, что авторство Гесиода можно признать за вводной частью поэмы — первыми 56 (или 54) стихами, входившими в состав «Перечня» ⁸.

Двойственное положение «Щита» по отношению к героическому и дидактическому эпосу сказывается и в плане особенностей эпического языка этого произведения. С одной стороны, из всего гесиодовского корпуса наибольшую тенденцию к сохранению гомеровского языка обнаруживает «Щит». Согласно статистическому подсчету параллелей гесиодовского корпуса к Гомеру (по строкам), проведенному А. Ржахом, «Щит» содержит 60% таких совпадений, в то время как «Теогония» — 55%, а «Труды и дни» — 40% ⁹. Статистический анализ словарных форм, соответствующих «Илиаде» как наиболее верному развитию устной традиции, дает следующие выводы: 1) «Щит» обнаруживает 81% совпадений (при 1—3 формах на строку, не имеющих в «Илиаде»), «Теогония» — 78—79% (при 1—4 формах), «Труды и дни» — 75—76% (при 1—7 формам); 2) наименьший процент колебаний совпадений с «Илиадой» обнаруживает «Теогония» — 13%, тогда как в «Щите» и в «Трудах и днях» эти колебания составляют 17%; 3) дальше всего от гомеровского языка отстоят «Труды и дни», поскольку содержание этой поэмы наиболее далеко от «Илиады», тогда как в «Щите» наименьший процент совпадений имеют стихи 201—300 — описание мирных занятий и экстравагантное описание Персея и Горгон (73—74%) ¹⁰. С другой стороны, «Щит Геракла» — произведение явно письменной формы эпоса, что берется под сомнение, когда речь идет о двух других основных поэмах Гесиода и тем более о гомеровских поэмах. Кроме того значительное количество диалектных форм (северо-западных диалектов) в языке Гесиода при значительном сохранении гомеровских форм также ставит под сомнение авторство Гесиода в отношении «Щита Геракла» ¹¹. «Соображения о сомнительности авторства Гесиода прежде всего в отношении „Щита“ в основном не лингвистического

⁶ Это единственное свидетельство о том, что Аполлоний Родосский был также автором теоретического исследования.

⁷ *Russo*, p. 36—59.

⁸ Например, *Hésiode. Théogonie, Les Travaux et les Jours*, Le Bouclier. Texte établi et traduit par P. Mazon. P., 1928, p. 121.

⁹ *Rzach A.* Der Dialekt des Hesiodos. — *Jahrbuch der klassischen Philologie*, Lpz, 1876, Suppl. 8, S. 465 ff.

¹⁰ *Edwards G. P.* The Language of Hesiod in Its Traditional Context. Oxf., 1974, p. 28—32.

¹¹ *Ibid.*, p. 192—197.

порядка, но данные лингвистики можно, по всей вероятности, присоединить к прочим аргументам» — таков вывод Дж. П. Эдвардса¹².

Тенденция автора «Щита» к следованию гомеровскому языку имеет следствием употребление поэтических фигур, в той или иной степени изменивших свое древнее смысловое значение. Не располагая возможностью останавливаться на этом вопросе подробно, упомянем в качестве примера две поэтические фигуры, рассматривающиеся в исследовании М. Дуранте, посвященном древнейшей греческой поэтической традиции¹³.

Во-первых, это βίη Ἡρακλείη «Гераклова сила». Эта фигура противостоит как самим понятием βίη «сила» (в отличие от σθένος, ἰς, μένος, κήρ), так и своей морфологической и метрической структурой целому ряду подобных описательных структур греческого эпоса. Присутствие в эпическом языке βίη Ἡρακλείη обусловлено особой древностью этой поэтической идиомы, связанной с героем дотроянского мифологического цикла¹⁴. Во-вторых, это ἥρωϊς — грецизм, прочно вошедший в новоевропейские языки, чем, в частности, и обусловлена трудность его понимания и тем более перевода. Греческое ἥρωϊς — термин культовый, по крайней мере до IV в. до н. э. «Герой» в древней Греции был, во-первых, умершим, и, во-вторых, обожествленным. Архаический эпос сохранил и первое (Hom., II. I, 3—4; Od. XI, 628—629; Hes., Op. 156—173; Cat., fr. 204, 118—119; Surlia, fr. I, 6—7) и тем более (посредством поэтического переосмысления) второе значение этого термина¹⁵, которое использовано в предлагаемом переводе Гесиода (например, «Иолай-воитель»).

Вопрос о времени и месте создания «Щита Геракла» довольно обстоятельно и аргументированно рассмотрен в исследовании К. Ф. Руссо¹⁶. Termini ante quos определяют для К. Ф. Руссо кратер Клития (ок. 570—560 гг. до н. э.) с изображением битвы лапифов и кентавров, имена которых в основном совпадают с именами, приводимыми в «Щите», а также конец деятельности Стесихора (ок. 565—555 гг. до н. э.), который был автором поэмы о Кикне и, если верить «Содержанию 1», считал Гесиода автором «Щита». Termini post quos представляют «Эоя Алкмены» (вторая половина VII в. до н. э.) и усиление влияния дельфийского и пагасейского культа Аполлона, связанное со Священной войной (конец которой приходится на 590 г. до н. э.). С этим же событием принято связывать и создание гомеровского гимна к Аполлону Делосскому. Последнее наблюдение особенно интересно, поскольку «Щит Геракла», представляющий собой героический эпос малой формы, обнаруживает в жанровом отношении целый ряд аналогий со сменявшей гомеровский эпос формой эпического повествования, которую принято называть «гомеровским гимном». Что же касается соображений К. Ф. Руссо относительно творчества Стесихора как terminus ante quem, то представляется возможным определять время создания «Щита» более ранним периодом, если принять точку зрения, согласно которой «Щит» не был произведением Гесиода: в этом случае должно было пройти достаточно времени, чтобы традиция утвердила авторство Гесиода за «Щитом». Наконец, не стоит придавать слишком большого значения «Эое Алкмены» как terminus post quem. История Алкмены довольно обособлена от прочих частей «Щита» и могла быть присоединена к этому произведению в качестве «гесиодовской особенности» (характер Аполлония Родосского в «Содержании 1») и позднее, независимо от времени его написания.

Справедливыми представляются сомнения К. Ф. Руссо относительно беотийского происхождения «Щита» в том случае, если Беотию VII—VI вв. до н. э. считать областью замкнутой в культурном отношении¹⁷. Знаменательна во всяком случае отмеченная К. Ф. Руссо связь «Щита» с культурным процессом, происходившим в наиболее

¹² Ibid., p. 4.

¹³ Durante M. Sulla preistoria della tradizione poetica Greca. Parte 1: Continuità della tradizione poetica dell'età Miceneai primi documenti. Roma, 1971; Parte 2: Risultanze della comparazione indoeuropea. Roma, 1976.

¹⁴ Idem. Op. cit., parte 1, p. 119.

¹⁵ Ibid., p. 119—122.

¹⁶ Russo, p. 29—35.

¹⁷ Russo, p. 34—35, 242. Ср. Merkelbach R.— Gnomon, 1952, 24, p. 130—132. Беотийское (фииванское) происхождение «Щита» отстаивает П. Гиллон (см. Guillon P. Le Bouclier d'Héraclès et l'histoire de la Grèce centrale dans la période de la première guerre sacrée. Aix-en-Provence, 1963).

развитых областях Греции — Аттике и Коринфе (ларец Кипсела, кратер Клития и т. п.).

Описываемый в связанной с именем Гесиода поэме щит, как и прочие щиты англичного эпоса, обязан поэтическому воображению. Мотив чудесного оружия — яркий эпический мотив, и хотя иконографических реконструкций этих щитов (и прежде всего их прототипа — щита Ахилла) существует довольно много¹⁸, мы не располагаем свидетельствами в археологическом материале о щитах, подобных тем, о которых говорится в античном эпосе: щитов с изображениями разного рода сюжетов типа щита фидиевской Афины в героическую эпоху, по всей видимости, просто не существовало. Тем более целесообразной представляется попытка установить соотношение между описаниями щитов в античном эпосе и щитами, реально существовавшими в ранний период греческой истории.

Приписываемая Гесиоду поэма названа Ἀσπίς Ἡρακλέους. Между тем за исключением единственного случая — стиха 418 (о щите Кикна), щит упоминается в ней только под наименованием σάκος. Оба эти слова являются основными названиями щита у Гомера. Прочие названия щита (βοάγρια, βοός, βοείη, βινόν, βινός) употребляются у Гомера фактически в качестве pars pro toto, а их этимология указывает на материал, из которого изготовлен щит, что согласуется и с данными линейного В¹⁹. Различия между ἀσπίς и σάκος, устанавливаемые ранее исследователями на основе текстуального анализа гомеровских поэм в сопоставлении с данными археологии, довольно туманны и гипотетичны. Неясна этимология названий (предполагается, что ἀσπίς — слово неиндоевропейского происхождения, а σάκος — индоевропейское), форма (эпитеты указывают только на округлость и большие размеры щитов обоих типов), материал, из которого изготовлены щиты (эпитеты указывают и на металл, и на кожу)²⁰. Отличия, которыми обладает у Гомера σάκος, это, во-первых, эпитет ἑπταβέλιον «семикожый» и, во-вторых, принадлежность этого типа щита почти исключительно ахейцам, в то время как троянцы носят только ἀσπίδες, а ахейцы и σάκεα, и ἀσπίδες. «На основании этого можно с достаточной уверенностью прийти к выводу, что σάκος являлся, по всей вероятности, ахейским (разрядка наша. — О. Ц.) вооружением», — утверждает Борххардт²¹. Во всяком случае, можно считать, что термин σάκος приобрел эпический характер, проецируя действие в героический век. Поэтому отказ автора «Щита» от прочих терминов может объясняться стремлением к архаизации и следованием эпической форме.

Археологические данные позволяют прийти к выводу о многообразии форм и типов щитов, имевших распространение в Эгее во II — начале I тыс. до н. э. Щиты овальной формы представлены следующими типами²²: 1) минойско-микенский щит, по форме напоминающий восьмерку; 2) позднемикенский щит «хетского» типа²³; 3) так называемый «динилонский» щит, представленный иконографическими памятниками геометрической эпохи (возможно, использовался в сражениях на колесницах) и 4) его, вероятно, позднейшая модификация — «беотийский» щит. Щиты прямоугольной

¹⁸ См., например, обзор реконструкций второй половины XIX — начала XX в. (Линдеман И. К. Щит Ахилла. — В кн.: Сб. статей в честь П. С. Уваровой. М., 1916, с. 339—356). Этот обзор реконструкций, основанных на анализе микенских и восточных образцов щита, констатирует недостаточную ясность формы щита Ахилла и смешение названий ἀσπίς и σάκος в гомеровских поэмах. Более подробно о попытках реконструкции щитов Ахилла и Геракла см. Fitschen K. Der Schield des Achilleus. Göttingen, 1973, S. 1—5.

¹⁹ Ferluga-Petronio F. I nomi delle armi in Miceneo. Skopje, 1979.

²⁰ Borchhardt H. Frühe griechischen Schieldformen. — In: Buchholz H.-G., Wiesner J. Kriegswesen, Teil 1: Schutzaffen und Wehrbauten (= Arcacologia Homerica, Bd. I, Kap. E). Göttingen, 1977, S. 2; Ferluga-Petronio. Op. cit., p. 123.

²¹ Borchhardt. Op. cit., S. 5.

²² Классификация ранних греческих щитов дана по: Borchhardt. Op. cit., S. 5—44.

²³ Появление этого типа щита, известного по находке из Иолка, объясняется А. Эвансом и Х. Лоример как результат восточных влияний, против чего возражают А. М. Снодграсс и П. К. Гвида (см. Evans A. The Palace of Minos. V. 2. L., 1928, p. 53; Lorimer H. L. Homer and the Monuments. L., 1950, p. 163 f.; Snodgrass A. M. Arms and Armour of the Greeks. L., 1967).

формы представляются двумя типами: 1) микенским «полуцилиндрическим щитом» (Микены, Тиринф, Крит), форма которого близка форме щитов, получивших распространение на Ближнем Востоке в III—II тыс. до н. э., а также в Ассирии IX—VIII вв. до н. э.²⁴ и 2) прямоугольный «геометрический» щит. Различными типами представлены щиты круглой формы: 1) известные по египетским и кипрским памятникам круглые щиты позднего бронзового века, появление которых в странах Ближнего Востока исследователи связывают с вторжением «народов моря» (этот тип щита просуществовал до рубежа VIII—VII вв. до н. э., когда был преобразован в так называемый «гоплитский» щит); 2) позднемикенские круглые щиты, известные по изображениям на вазах из Микен и Тиринфа и на пластинках из слоновой кости из Энкоми и Старого Пафоса (Кипр) конца позднеэладского периода; 3) щиты «вазы воинов» из Микен конца позднеэладского периода; 4) выпуклые щиты (фалеры)²⁵; 5) щиты геометрической эпохи, украшенные концентрическими окружностями.

Археологические данные в сопоставлении с терминологией оружия линейного В показывают, что в Греции после XV в. до н. э. широкое употребление получает небольшой легкий щит (круглые щиты на Пелопоннесе и Кипре, щит «хетского» типа из Иолка), в то время как минойско-микенский щит, напоминающий по форме восьмерку, преобладал в XVI—XV вв.²⁶ Изменение формы греческих щитов к более закругленной подтверждается и данными гомеровского эпоса²⁷. С другой стороны, щиты больших размеров (в форме восьмерки и «башнеобразный») сохраняются в более позднее время не только в вооружении, но и в культовой практике; есть упоминания о них и в эпической традиции. Возможно, в результате длительной эволюции и сосуществования различных форм щитов при частичном изменении их функций могло возникнуть столь сильное смещение формы и названий щитов у Гомера. Характерно, что интерпретация форм щитов на основе анализа гомеровской лексики вызывает разногласие у исследователей, занимавшихся специально реконструкцией древнейших микенских реалий: основным различием между *ἀσπίς* и *σάκος* является здесь уже не круглая или продолговатая (овальная, прямоугольная, полуцилиндрическая и др.) форма, но напоминающая восьмерку или «башнеобразная» (*ῥῶτε πύργος*)²⁸.

Заслуживает внимания то, что в микенскую и предголицкую эпохи греческие щиты украшались наподобие тех, о которых упоминает эпос. Это относится прежде всего к щитам в форме восьмерки и «башнеобразным», а также круглым щитам с концентрическими окружностями.

Появление щита, своей формой напоминающего восьмерку, на Крите объяснялось, с одной стороны, влиянием распространенного в Египте XI—XII династий (начало II тыс. до н. э.) геометрически орнаментированного щита²⁹, с другой — ахейским влиянием, шедшим с Балканского полуострова³⁰; этот тип щита известен нам только по иконографическим памятникам³¹. Время наибольшего распространения этого щита — XVI—XV вв. до н. э., однако на стеной и вазовой живописи он встречается весьма часто вплоть до конца микенской эпохи. К позднемикенскому периоду относит-

²⁴ Этот щит отождествляется Д. Пейджем со щитом гомеровского Аякса Теламонида (*σάκος ῥῶτε πύργος*) и рассматривается им как микенская реалья. А. М. Снодграсс, напротив, считает, что щит Аякса по форме напоминал восьмерку (см. *Page D. History and the Homeric Iliad*. Berkeley, Los Angeles, 1959, p. 232—235; *Snodgrass. Op. cit.*, p. 20).

²⁵ Возможно, переходная форма от больших минойско-микенских щитов к «гоплитскому» щиту (см. *Guida P. Le armi nel culto dei Micenei*. — In: *Studi Triestini di antichita in onore di L. A. Stella*. Trieste, 1975, p. 47).

²⁶ *Borchhardt. Op. cit.*, S. 46; *Ferluga-Petronio. Op. cit.*, p. 125. О смене большого минойско-микенского щита щитом круглой формы см. *Lorimer. Op. cit.*, p. 152; *Guida. Le armi...*, p. 46—49.

²⁷ *Borchhardt. Op. cit.*, S. 46—47.

²⁸ *Gray*. — *JHS*, 1954, 74, p. 8, not. 8; *Trümpy H. Kriegerische Fachausdrücke*, S. 20—36; *Ferluga-Petronio. Op. cit.*, p. 123 f.

²⁹ *Evans. Op. cit.*, v. 2, p. 48—54, 451 f.; *Bonnet H. Die Waffen der Völker des Alten Orients*. Lpz., 1926, S. 183—188.

³⁰ *Guida. Le armi...*, p. 25, 37.

³¹ *Evans. Op. cit.*, v. 1, p. 307, 336 f., 498; v. 3, p. 301—314, 347; v. 4, p. 252, 301—302, 786, 933; *Guida. Le armi...*, p. 25—27. Принадлежность щиту отдельных деталей, обнаруженных в микенских захоронениях, сомнительна (см. *Borchhardt. Op. cit.*, S. 9)

ся изображение воина с таким щитом из Артемисия (Делос)³². Известное к настоящему времени вооружение микенских воинов исключает необходимость использования большого щита (в форме восьмерки) в военной практике периода после XV в. до н. э., на основании чего был сделан вывод о преимущественном употреблении его в культовой сфере. Вопрос о том, какова была сакральная функция щита в Эгейском мире, остается открытым³³. Преобладает, однако, высказанное М. Нильсоном предположение об особой связи щита в форме восьмерки с женским божеством войны, которое обнаруживает черты сходства с Афиной, играющей весьма существенную роль в действии «Щита Геракла» и в аналогичных мифологических сюжетах (прежде всего, покровительство гомеровским «щитовосцам» Ахиллу и Диомеду)³⁴.

Полуцилиндрический или «башнеобразный» щит — возможная модификация щита, напоминающего по форме восьмерку. Этот тип щита известен по находкам в шахтовых гробницах Микен позднееэлладского I периода, по фрагментам фресок из Тиринфа и Пилоса позднееэлладского III периода³⁵. На Крите такой щит представлен изображением на печати позднемикенского III периода, на основании чего делается вывод о заимствовании этого типа щита с материка. Впрочем, на Крите известен также прямоугольный щит на иконографических памятниках переходной фазы от среднимикенского III к позднемикенскому I периоду, в которых усматривают хеттское и сирийское влияние³⁶.

Минойско-микенский щит, по форме напоминающий восьмерку, согласно гипотезе Т. Вебстера, поддержанной А. М. Снодграссом и П. К. Гвидой, и стал тем типом щита, который представлен памятниками материальной культуры как позднейший «дипиловский», а затем «беотийский» щит, а в поэтическую традицию вошел как щит героической эпохи — *σάκος ἦθε πύργος*. Доказательство этому исследователи видят в том, что распространение дипиловско-беотийского типа щита ограничивалось почти исключительно пределами Аттики и Беотии — областей, менее затронутых дорийским нашествием. Еще в IV в. до н. э. на монетах Саламина изображается «беотийский» щит, возможно, в память об Аяксе Теламониде.

Учитывая тенденцию эволюции микенских щитов к уменьшенным и закругленным формам, что согласуется с предположением Т. Вебстера, вполне закономерно объяснять противоречия в эпических описаниях щитов преломлением в поэтической традиции реально существовавших форм щита³⁷. Еще А. Эванс считал возможным возводить описание осады города на щитах Ахилла и Геракла к реальности эгейского мира, имея в виду знаменитый серебряный «ридон осады» из IV шахтовой гробницы в Микенах³⁸ и указывая на присутствие тематики эпических щитов (город, война и мир, охота, круговой танец, скотоводство, рыбная ловля, мировая река Океан) в эгейском искусстве³⁹.

Следует, однако, отметить, что даже если принять точку зрения о превалировании

³² О возможности микенских и восточных реминисценций, содержащихся в этом изображении, см. *Gallet de Santerre. Delos primitive et archaïque. P., 1958; Lorimer. Op. cit., p. 153; Guida. Le armi..., p. 36.*

³³ Для обзора см. *Nilsson M. P. The Minoan and Mycenaean Religion. Ed. 2. Lund, 1952, p. 406; Picard Ch. Les religions prehelléniques, p. 190; Borchhardt. Op. cit., S. 12—15.*

³⁴ *Nilsson. Op. cit., p. 344, 398, 409—412; Stella L. A. La civiltà micenea nei documenti contemporanei. Roma, 1965, p. 228 f.; Taylour W. New Light on Mycenaean Religion. — Antiquity, 1970, 44, p. 270—279; Persson A. The Religion of Greece in Prehistoric Times. Berkeley, Los Angeles, 1942, p. 91—92; Levi D. Gleanings from Crete. — AJA, 1945, 49, p. 299 f.; Sakellariou A. Les cachets minoens de la Collection Giamalakis. P., 1958, p. 54; Guida. Le armi..., p. 29—33; Warren P. Minoan Crete and Ecstatic Religion. — In: Sanctuaries and Cults in the Aegean Bronze Age. Stockholm, 1981, p. 155—167.*

³⁵ *Guida. Le armi..., p. 16.*

³⁶ *Evans. Op. cit., v. 1, p. 505; Lorimer. Op. cit., p. 137—141.* Анатолийское влияние взято под сомнение П. К. Гвидой (*Le armi..., p. 15—16*).

³⁷ Ср. точку зрения Д. Пейджа, согласно которому в гомеровских дескриптивных эпитетах щитов проявилось «сильное противоречие между древними формулами и новыми индивидуальными эпитетами, проявившееся, в частности, в наличии различных хронологических пластов исторических реалий при описании щитов» (см. *Page. Op. cit., p. 232—235*).

³⁸ *Evans. Op. cit., v. 3, p. 82—89, 106.*

³⁹ *Evans A. Minoan and Mycenaean Elements in Hellenic Life. — JHS, 32, p. 288 f.*

в поэтическом языке эпоса наименований микенских реалий, в отношении микенских щитов как образца поэтических описаний речь может идти только об отражении эпосом форм микенских щитов: декор на микенских щитах отсутствует. Это обстоятельство вовсе не исключает, однако, возможности использования в качестве образцов для поэтических описаний щитов различных предметов минойского и микенского прикладного искусства.

Щиты геометрической эпохи с концентрическими окружностями представлены тремя типами: 1) щит с выпуклым, цилиндрическим или коническим умбоном; 2) щит типа «треснувшего сердца» и 3) щит с головами животных. Особого внимания заслуживает первый тип щита, широко распространенный в странах Переднего Востока с IX по VII вв. до н. э. На территории Греции щиты этого типа представлены бронзовыми «охотничьими» щитами из Идейской пещеры на Крите VIII в. до н. э., а также небольшими щитами, моделями и изображениями щитов VIII—VI вв. из Самоса, Прай-соса, Афин, Крита (пещера Психро), Сифноса, Спарты, Беотии, Миконоса. Близки к этому типу щиты с головами животных, известные по находкам на Крите и в Дельфах VIII—VII вв. до н. э. с львиными и птичьими протомами. Оба эти типа щитов обнаруживают следы сильных восточных (прежде всего ассирийских и урартских) влияний. Естественно, что значение обоих этих типов «ориентализованных» щитов, содержащих обильный декор (в том числе и сюжетного плана), как археологического сопоставительного материала для реконструкции эпических описаний щитов невозможно недооценить. Тип «треснувшего сердца», представленный круглыми щитами с концентрическими окружностями и U— или V-образным вырезом, имел распространение, кроме территории Греции (Кипр, Родос, Дельфы, Олимпия), в Северной Италии и странах Центральной Европы. Привлекаемые в качестве свидетельств материальной культуры для исследования этнокультурных контактов в странах древней Европы, щиты этого типа не представляют особого интереса в интересующем нас плане⁴⁰.

Предлагаемый перевод «Щита Геракла» является первым полным переводом этого произведения на русский язык. В основу перевода положено издание: *Hésiode. Théogonie, Les Travaux et les Jours, Le Bouclier. / Texte établi et traduit par P. Mazon. Paris: Les Belles Lettres, 1928.* При этом были учтены такие издания текста, как *Hesiodi Carmina. / Rec. A. Rzach. Lipsiae: B. G. Teubner, 1902 (editiones maior et minor); Hesiodi Scutum. / Introduzione, testo critico e commento con traduzione e indici a cura di C. F. Russo. Ed. 2. Firenze: La Nuova Italia, 1965,* а также переводы на латинский и некоторые новоевропейские языки⁴¹. В отличие от существующего неполного русского перевода «Щита Геракла» (стихи 142—320), выполненного С. Кондратьевым⁴², автор настоящего перевода старался следовать традициям Н. Гнедича с поправкой на неоднократно отмечавшиеся филологической наукой эпитонство и своего рода декаданс «Щита». При этом с переводом «Илиады» Н. Гнедича (а также с переводом «Одиссеи» В. Жуковского) были сопоставлены текстовые соответствия и подобию тексту гомеровских поэм, приводимые в editio maior А. Ржаха (*Poetarum imitationes et loci similes*). Ряд лексических соответствий установлен по *Index Homericus / Composuit A. Gehring. Lipsiae: B. G. Teubner, 1891.* Следование традициям Н. Гнедича не означает, однако, безусловного принятия всех поэтических аналогов, предложенных классическим русским переводом «Илиады»: зачастую в переводе «Щита Геракла» дается модификация как отдельных слов, так и целых поэтических фраз, предлагаемых переводом Н. Гнедича.

Автор перевода пользуется случаем выразить искреннюю благодарность М. Л. Гаспарову, взявшему на себя труд ознакомиться с рукописью перевода и высказавшему ряд ценных замечаний и соображений.

⁴⁰ Обзор дан по *Borchhardt. Op. cit., S. 36—44.*

⁴¹ *Hesiodi Carmina et fragmenta cum Apollonio Rhodio etc. / Graece et Latine cum indicibus nominum et rerum edidit F. S. Lehrs. Parisiis: A. Firmin Didot, 1840; Hésiode... par P. Mazon; Hesiodi Scutum... a cura di C. F. Russo; Hesiod's Werke./Verdeutsch im Versmasse von E. Eyth. Berlin, Schoneberg: G. Langenscheidt; Hesioda Tarcza Heraklesa./Przelozyl A. Gorski. Warszawa. 1919; *Bochenski T. Przeklad Hezjodovej Tarczy Heraklesa. Cieszyn, 1924; Франко I. Твори у 50 томах. Т. 8: Поетичні переклади і переспіви. Київ: Наукова думка, 1977.**

⁴² *Античные поэты об искусстве. М., 1938, с. 20—24; Греческая литература./ Сост. В. О. Нилендер. М., 1939, с. 47—51.*